

А.Ф.Щеглов

Советские военные переводчики на Кубе в 1969 г.

В публикации приводятся выдержки из воспоминаний Александра Федоровича Щеглова — на момент описываемых событий слушателя Военного института иностранных языков (ВИИЯ) — о работе на Кубе в 1969 г.

Ключевые слова: ВИИЯ, Щеглов, Куба, 1969.

НОВАЯ И ДЕЛИКАТНАЯ ЗАДАЧА

Где-то в середине 1969 г. в группу советских военных специалистов при Восточной армии прибыл полковник Алексей Талатынов, политработник из Туркестанского военного округа. Его задачей было оказание помощи кубинским товарищам в налаживании работы политических органов в армии. Но дело в том, что политических органов в РВС тогда еще не было. Шли разговоры об их создании, но дальше дело не двигалось. И вот полковник Талатынов договорился о встрече с командующим Восточной армией. Переводить на этой встрече выпало мне.

— Полковник Алексей Талатынов, начальник политотдела спецчастей Туркестанского военного округа, — представился наш политработник.

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил команданте. Он предложил нам сесть, принесли традиционный кофе. Рауль Менендес Томассевич попросил полковника кратко рассказать о себе, о военной карьере, о службе в Туркестанском военном округе. Следует отметить, что кубинские командиры хорошо знали организацию и вооружение советской армии. К тому времени многие из высших военных руководителей Республики Куба прошли подготовку в военных училищах и академиях нашей страны. Такую подготовку на курсах «Выстрел» прошел и командующий Восточной армией. Кроме того, он хорошо изучил историю Вооруженных Сил СССР. Мне в этом приходилось неоднократно убеждаться в ходе частых встреч с ним в формальной и неформальной обстановке, когда возникали споры между командующим и его советником генерал-майором И.А. Павловым.

Александр Федорович Щеглов — капитан I ранга в отставке (sobresseguro@yandex.ru).

Окончание. Начало см.: Латинская Америка, 2017, № 9.

— Какую задачу Вам поставил генерал Биченко (в те годы наш главный военный советник в Гаване при министре РВС Рауле Кастро)? — задал первый деловой вопрос командующий.

— Мне приказано помочь Вам, товарищ командующий, в становлении политических органов в армии, — четко по-военному ответил Талатынов.

— Какое становление? У нас в армии пока нет никаких политорганов. А нужны ли они вообще? — снова прозвучал вопрос кубинского военачальника.

— А как же без политорганов? Вы же строите социализм, а в армии нет политорганов? — Талатынов не мог понять командующего, попросил меня повторить перевод. Командующий улыбнулся и бросил реплику: «Александр переводит правильно».

Он снова задал вопрос, несколько видоизменив и уточнив его: «Мне не нужен еще один начальник — политик, с которым я должен делить власть, как командующий армией. Меня назначил на эту должность Главнокомандующий Фидель Кастро, я, прежде всего, — политик. Я сражался за победу революции в горах Сьерра-Маэстры и там стал командиром. Зачем мне нужен какой-то заместитель с большими правами и властью? Я единоначальник, у вас, в СССР, я знаю, в армии также единоначалие? Верно?».

Возник спор, которого Талатынов, естественно, не хотел затевать во время первой встречи с командующим армией. Тем более, он знал о настрое кубинских военных по отношению к политработникам. Среди них существовало мнение, что одна из задач политработников — докладывать «наверх» о моральном облике командиров и начальников.

— Да, у нас единоначалие, но на партийной основе. А как же без политотдела в армии, самой большой на Кубе?

— Товарищ Талатынов, Вас зовут Алексей, можно я буду вас так называть?

— Да, конечно, пожалуйста.

— Товарищ Фидель рекомендует нам брать из героического прошлого армии Советского Союза ценный для нас опыт. И мы прекрасно знаем, как создавались политические органы в вашей армии. Все начиналось с комиссаров, которые были нужны для того, чтобы военспецы, бывшие офицеры старой армии, точно и правильно выполняли свои чисто командирские обязанности и не допускали предательских действий. Я правильно излагаю вашу военную историю?

— Да, совершенно верно, но потом у нас была Великая Отечественная война, и политработники показали, что они очень нужны, сыграв важную роль в победе над фашизмом. И я не представляю командующего армией без члена военного совета, его боевого товарища и помощника.

— Все правильно, у вас свой путь, свои традиции, они священны, и мы многому учимся у вас. Но ведь и наши традиции, наши особенности вы должны понимать?

— Мы уважаем ваши традиции и знаем героический путь, пройденный Кубой, ее противостояние империализму США, которые здесь рядом, всего в 90 милях от кубинских берегов. И мы хотим помочь вам укрепить вашу армию, сделать ее еще более мощной.

— Алексей, кубинский народ благодарен советскому народу за громадную помощь в деле укрепления нашей обороноспособности. Мы будем вечно благодарны вам за поддержку нашей страны в период Карибского кризиса и последующие годы. Но давайте вернемся к политическим орга-

нам. У нас в армии есть партийные организации. Секретари парторганизаций регулярно проводят партийные собрания. Мы — члены партии — все, от солдата до командующего, те, кто состоит в ее рядах, неукоснительно выполняем решения партийных собраний и будем впредь их выполнять. Но еще один политработник, как Вы говорите, член военного совета, мне не нужен. Провести общее собрание военнослужащих в соединениях и частях армии могут сами офицеры, сержанты — это их партийный долг. Они напишут лозунги, подготовят помещение, оповестят тех, кто непременно должен быть на собрании. Но для этой цели мне не нужна должность офицера высокого ранга с властными полномочиями. Это мое мнение и не только мое. Если нужно создать политический отдел в армии, назначить его начальника и будет решение министра, то мы назначим такого человека.

Вышли мы с полковником Талатыновым от командующего с невеселым настроением. Особенно оно было скверным у нашего политработника. Я пытался объяснить ему, что переубедить кубинцев во время одной беседы очень сложно и следует действовать сверху. Доложили о нашем разговоре старшему группы военных специалистов в армии генерал-майору Ивану Александровичу Павлову, реакция которого оказалась странной для Талатынова.

— Ну, и зачем им политработники? Пусть лучше больше занимаются боевой подготовкой, чем проводить бесконечные партсобрания, которые у них отнимают целый день.

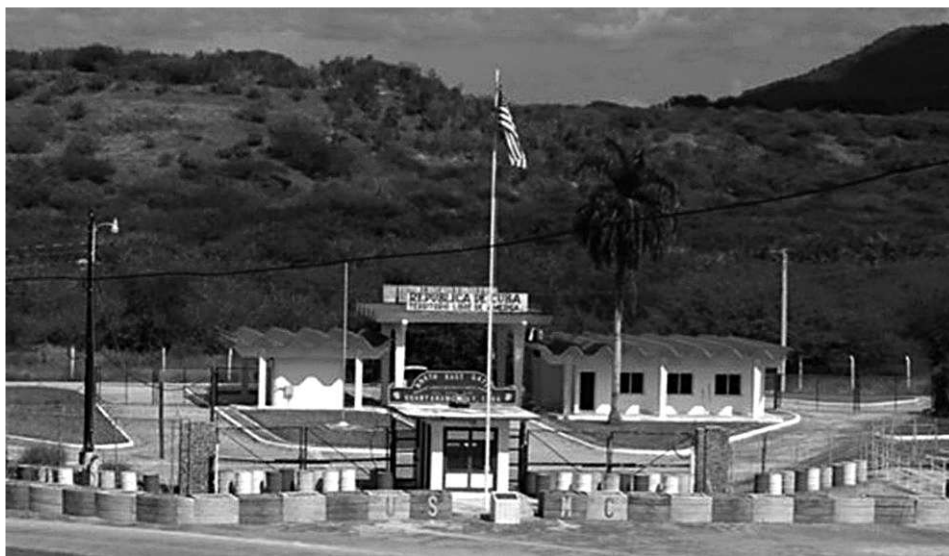
— Иван Александрович, Вы можете доложить о нашей беседе главному военному советнику при Рауле Кастро? Так нельзя. Командующий не совсем правильно понимает роль политорганов в армии.

— Он все понимает правильно. Вам следует лучше знать историю создания и развития кубинской армии. Тогда Вам будет проще вести беседы на эту тему. А навязывать чисто механически, аргументируя только тем, что так есть у нас, — это они не воспримут. Я на своем двухлетнем опыте работы с кубинцами это понял.

Когда Талатынов ушел, генерал еще раз произнес то, что сказал ранее, в том плане, что кубинцам ни к чему создавать должность члена военного совета армии. У них и так достаточно разного рода заместителей командующего. Думаю, что и в Советской Армии у Ивана Александровича отношения с политработниками были далеко не безоблачными.

Мне же он поручил тщательно и подробно записать беседу Талатынова с командующим армией для доклада в Гавану главному советскому военному советнику при министре РВС. Запись я сохранил до сегодняшнего дня и благодаря ей воспроизвел эту беседу, хотя со значительными сокращениями. Потом, через какое-то время мы узнали, что министр РВС Рауль Кастро приказал создать политические отделы в кубинской армии. Но первыми начальниками политорганов были назначены младшие лейтенанты и даже сержанты. И только со временем, не без нашего влияния, политорганы заняли подобающее им место в структурах кубинских РВС.

Вспоминаю, как первый начальник политотдела Восточной армии после своего назначения в 1969 г. на эту должность был поставлен в наряд помощником дежурного по штабу армии, что вызвало огромное недовольство специалиста при политотделе армии того же полковника Талатынова. Через десять лет, в 1979 г., бывший начальник политотдела армии Сиксто Батиста Сантана стал дивизионным генералом и возглавил Центральное по-



Пограничный КПП, вход на территорию военно-морской базы США Гуантанамо с территории Кубы

литическое управление Революционных вооруженных сил Кубы — высший политорган в армии. Он неоднократно приезжал к нам в СССР во главе делегаций кубинских военных политработников и принимал на Кубе наши делегации.

Судьбе было угодно, чтобы я впоследствии оказался в 7-м международном (Специальном) управлении Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота тем «направленцем» по связям и контактам с политорганами РВС Кубы, который десятилетие тому назад участвовал в первых попытках убедить кубинских руководителей в необходимости создания в их армии политических органов. За прошедшие годы на Кубе и в Советском Союзе сотни кубинских офицеров получили базовое образование и стали кадровыми политработниками своих вооруженных сил.

РЯДОМ С БАЗОЙ ГУАНТАНАМО. БОРЬБА С ДИВЕРСАНТАМИ

На крайнем востоке Кубы расположен город Гуантанамо, недалеко от которого находится военно-морская база (ВМБ) военно-морских сил (ВМС) Соединенных Штатов с одноименным названием. В этом районе дислоцируется одно из самых мощных соединений Революционных вооруженных сил Кубы — пограничная бригада, прикрывающая направление на американскую военно-морскую базу. Американцы получили эту базу еще в начале XX в. ВМБ Гуантанамо находится в удобной глубоководной бухте, где американцы построили современные причалы для базирования крупных боевых кораблей, включая авианосцы. Интересно, что и после победы революции на базе США работали кубинцы, которые каждое утро проходили на работу через американский КПП, а вечером возвращались на свою территорию. Думаю, что ежедневное пребывание на территории базы нескольких сот рабочих позволяло кубинцам хорошо знать настроения среди воинского контингента базы.

До 1969 г. пограничная бригада РВС Кубы осуществляла охрану вокруг базы путем патрулирования по периметру вдоль высокого забора с колючей проволокой, построенного американцами. Но это не позволяло пресекать довольно частые попытки кубинцев совершать побеги на занятую американцами территорию. В середине лета 1969 г. мне выпала честь вместе с представителем пограничных войск КГБ СССР в сопровождении кубинских военнослужащих из пограничной бригады в течение полутора месяцев принимать участие в проведении рекогносцировки для строительства контрольно-следовой полосы (КСП) вокруг базы.

Общий периметр границы с базой — около 34 км иссушенной тропическим солнцем земли, на которой растут гигантские «прыгающие кактусы» (*cacto saltante*). Через год КСП была построена, что значительно облегчило задачу пограничной бригады РВС Кубы.

После Карибского кризиса 1962 г. США перешли от открытой агрессии против Кубы к тайной засылке на остров вооруженных групп диверсантов, состоявших из кубинских контрреволюционеров-эмигрантов, окопавшихся в 90 милях на полуострове Флориде. Там были созданы специальные лагеря, в которых представители ЦРУ США занимались подготовкой диверсионных групп для заброски их на Кубу. Диверсанты в количестве 10-15 человек, одетые в форму кубинских военнослужащих, десантировались с кораблей ВМС США и на небольших моторных лодках, как правило, в ночное время высаживались на кубинское побережье.

Под видом солдата, возвращающегося из отпуска в свою часть, диверсант останавливал проходивший автомобиль и старался проехать в крупный город Сантьяго, Ольгин или даже в Гавану, где легко затеряться и потом совершить теракт. Кубинцы, естественно, строго предупреждали водителей всех видов транспорта, чтобы те не останавливались и не подбирали одиночные группы незнакомых военнослужащих. Однако такие инструкции не всегда выполнялись.

Осенью 1969 г. мне, постоянно сопровождавшему генерала Павлова в поездках по воинским частям Восточной армии, пришлось принимать участие в операции по обезвреживанию диверсионного отряда кубинских контрреволюционеров, высадившейся в безлюдной части побережья на крайнем востоке острова.

Диверсанты группой в десять человек, вооруженные до зубов (каждый имел по 4-5 единиц стрелкового оружия и несколько гранат), после высадки затопили свою лодку в небольшой лагуне, укрыли в лесу часть вооружения, включая мины и взрывчатку, видимо, надеясь вернуться после «легализации» на острове. Однако, как бывает в детективных романах, диверсанты допустили мелкую оплошность. Зарывая в темноте в песок остатки своего завтрака, они не заметили, как ветер унес обрывок американской газеты, который зацепился за колючий кустарник и утром был обнаружен местным жителем. Он быстро сообщил об этой находке пограничникам.

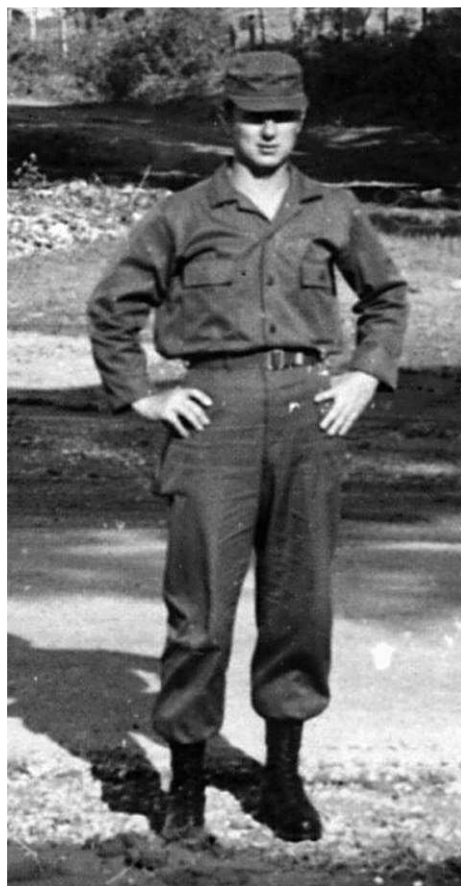
Пограничная бригада была поднята по тревоге, и большая группа военнослужащих быстро оцепила участок побережья в указанном крестьянском районе. Пограничники обнаружили затопленную лодку и укрытые в лесу вооружение и взрывчатку. Одновременно кубинские солдаты перекрыли все дороги, ведущие к району высадки, и организовали прочесывание местности.

В это время генерал Павлов и я находились в местной командировке в одной из дивизий, штаб которой располагался в небольшом городке Баракоа — первом городе, построенном испанцами на острове в период его колонизации. Узнав о высадке диверсионной группы, генерал принял решение присоединиться к штабу, возглавившему поисковую операцию. Следует отметить, что советским военным советникам и специалистам участвовать в подобных боевых операциях было категорически запрещено самим верховным главнокомандующим Фиделем Кастро. Кубинцы не хотели потерь советских военнослужащих. Но мы с генералом поставили кубинцев перед фактом: выезд нашего автомобиля из Баракоа произошел до установки оцепления на дороге, ведущей к Сантьяго с проездом мимо Гуантанамо. Прямо на этой дороге был развернут штаб поисковой операции во главе с командующим Восточной армией.

Он, конечно, выразил явное неудовольствие в связи с нашим появлением. Дальнейшее передвижение нам было запрещено, ввиду явной опасности возможного появления диверсантов. Кроме того, во всей округе был отдан приказ открывать огонь по любой машине, если она не остановится по приказанию военных.

Штаб операции располагался непосредственно на трассе в армейских машинах связи и управления, опоясанный несколькими кольцами охраны из бойцов армейского спецназа. В течение дня восемь диверсантов, действовавших минигруппами по два человека, были схвачены, арестованы и доставлены в штаб. Причем одна из групп успела захватить автомобиль и быстро передвигалась в сторону Сантьяго. Ее остановили выстрелом из гранатомета по колесам машины. При задержании один диверсант и кубинский солдат спецназа были ранены.

Девятого и десятого диверсантов искали долго. Прошла ночь. Утром следующего дня в одной из деревушек кубинский контрреволюционер-наемник попытался достать продукты из холодильника в доме у жителя деревни. Ему не удалось сделать это незаметно, и хозяин поднял шум. Прибежавшие соседи попытались задержать диверсанта, который представился солдатом, убежавшим в самоволку из соседней части. Ему не поверили и вызвали по телефону полицию. До приезда полиции диверсант выбил окно комнаты, куда его закрыли, и пытался бежать, но приставленная к



В кубинской военной зелено-оливковой форме мы выполняли свои задачи в войсках

нему охрана, состоявшая из крестьян, открыла огонь из охотничьих ружей. Диверсанту уйти не удалось, и он был убит.

Главаря диверсионной группы по имени Эскаланте удалось отыскать лишь на третий день операции. При допросе членов его группы, арестованных накануне, выяснилось, что униформа для диверсантов при переходе морем и высадке на побережье хранилась вся вместе в полиэтиленовой упаковке. Армейские ботинки арестованных дали понюхать служебным собакам пограничников. Одна из собак стала нервничать, бегать кругами, обнюхивая дорогу и обочину рядом с тем местом, где располагался штаб операции. Затем она потянула пограничника к дренажной трубе под дорогой в 20-30 м от штаба. Там и оказался Эскаланте. Он не оказал сопротивления, заявив при этом, что даст команду собраться всей группе, чтобы передать их властям. Таким образом, он пытался облегчить свою участь. Но, понятно, что в его услугах уже никто не нуждался, так как вся группа была арестована. Он, как оказалось, уже в третий раз пробрался на остров, но эта высадка стала для него последней.

Мы присутствовали на его первом допросе. Он подробно рассказал об особенностях своей подготовки в лагерях недалеко от города Майами, о тех людях из ЦРУ, которые участвовали в этом. Задача группы заключалась в том, чтобы проникнуть в город Сантьяго и взорвать основную тепловую электростанцию, питавшую весь город. Выполнить эту задачу им не удалось.

Примерно через неделю руководство Восточной армии организовало выставку вооружения, боеприпасов, взрывчатки и другого имущества, которое было изъято у диверсионной группы. На этой выставке побывало много жителей Сантьяго. Советские военные специалисты, переводчики и члены их семей тоже смогли посетить эту выставку. Пояснения давал лично командующий Восточной армией. На этот раз арест диверсантов прошел без потерь личного состава армии. В предшествующих подобных операциях без ранений и гибели солдат и офицеров РВС, к сожалению, не обходилось.

После этого события минуло более восьми лет. К тому времени я окончил ВИИЯ, прослужил четыре года на Северном флоте и в сентябре 1975 г. был зачислен в штат 7-го (Специального) управления Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В 1978 г. я был неожиданно приглашен в кадры 10-го Главного управления Генерального штаба, где от имени Государственного Совета Республики Куба мне была вручена медаль «20 лет РВС Кубы» за участие в операции по обезвреживанию диверсантов в 1969 г. Это была приятная неожиданность, учитывая, что кубинская медаль явилась моей первой иностранной наградой. Кроме того мне казалось, что времени прошло уже немало, и кубинцы забыли о тех давно минувших событиях и их участниках. Но, к счастью, это оказалось не так.

МЕСТО ПЕРВОЙ ВЫСАДКИ КОЛУМБА. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Мне хотелось бы еще раз упомянуть об одном старинном кубинском городке Баракоа (я уже писал о нем), расположенном на востоке Кубы сравнительно недалеко от города Гуантанамо и американской ВМБ. Дорога, ведущая от Гуантанамо в Баракоа, проходит через горы, в которых на одном из перевалов устроена смотровая площадка Ла Фарола (La Farola) — маяк. Она знаменита тем, что с ее высоты слева видны серо-зеленые воды Атлантического океана, прямо через пролив смутно вырисовывается ост-

ров Гаити, а справа расстилается почти фиолетовое, очень глубокое у берегов Кубы (более 5 тыс. м) Карибское море.

Сам городок Баракоа совсем небольшой, со старинными узкими, вымощенными булыжником улочками. Они, кажется, сохранили дух той далекой эпохи, когда по ним гарцевали на лошадях испанские конкистадоры, шаг за шагом покорявшие для своих королей новый материк, открытый Христофором Колумбом. Баракоа — единственное место на Кубе, связанное с пребыванием первооткрывателя Америки. На набережной океана установлен высокий деревянный крест из твердых пород дерева. Легенда гласит, что точно такой крест адмирал приказал срубить 12 октября 1492 г. на том месте, где ступила на берег его нога после долгого и трудного плавания. Такие кресты водружали испанцы на открываемых землях, что означало — отныне эти земли принадлежат на правах собственности христианским монархам с Пиренейского полуострова. Каждые 100 лет крест меняют, восстанавливают его точно таким, каким его впервые установил более 500 лет назад сам Колумб.

В этом городке, кажется, история задержала свой стремительный бег, все вокруг старинное: архитектура, памятники, транспорт... В отличие от остальных жителей Кубы население на 100% белое, это потомки первых колонизаторов. Сюда испанцы не стали завозить негров из Африки. В начале колонизации им было достаточно живших в те времена индейцев, коренных жителей острова. Но с годами они, превращенные в рабов, все вымерли от тяжелого труда и болезней, завезенных европейцами. Индейцы пытались восставать, но всякий раз их жестоко усмиряли, уничтожая сотнями и тысячами, пока все коренные жители не были истреблены. В центре города стоит бронзовый памятник вождю индейцев Атуэю. По преданию, возглавив восстание рабов, он был схвачен испанцами и сожжен на костре.

И еще одна «достопримечательность» была обнаружена нами во время пребывания в городе Баракоа в том далеком уже 1969 г. Командир кубинской дивизии, у которого мы были в гостях, неожиданно спросил у нас:

— А знаете, здесь в городе живет одна русская, которая убежала от вашей социалистической революции 1917 г., но уже в пожилом возрасте ее здесь настигла наша социалистическая революция? Нет ли желания познакомиться с этой женщиной?

Он вызвал офицера, и мы с ним и генералом проехали к отелю, где пожизненной хозяйкой была русская дама. Она встретила нас очень любезно, предложила кофе. Эта женщина, имени ее я не помню, стала рассказывать нам историю своей жизни. В 1917 г. она, будучи дочерью богатых и знатных родителей, жила в Петербурге. Родители были против ее брака с дипломатом из посольства Греции. Однако она все-таки вышла за него замуж, и молодые решили выехать из России. Вначале они решили поехать в Венесуэлу, но там произошел очередной военный переворот, и греко-русская чета остановилась в кубинском городе Баракоа. Он показался им тихой и уютной гаванью, далекой от революций.

— Нам с мужем и во сне не могло присниться, что сюда, в забытую Богом дыру за океаном, доберется социализм, — сетовала хозяйка гостиницы.

Они купили гостиницу, куда приезжали на отдых иностранцы, в первую очередь американцы, и жили своей семьей безбедно до самой революции. Во время партизанского движения против диктатуры Батисты в конце 50-х годов «русская», как ее там все называли, помогала повстанцам «барбу-



Советские военные специалисты и переводчики вместе с кубинцами на уборке сахарного тростника. Третий слева стоит А.Щеглов

дос», укрывала раненых партизан от ищеек проамериканского режима, покупала им медикаменты.

После победы революции 1 января 1959 г. и последовавшей затем национализации команданте Фидель Кастро в порядке исключения разрешил русской оставить гостиницу в частной собственности. Она почти забыла родной язык и говорила с нами, используя странные сочетания испанских и русских слов. Ей было бы лучше говорить по-испански, но она просила нас разрешить ей рассказывать по-русски. Она жаловалась на то, что здесь годами не услышишь русской речи. Многие русские слова она вспомнить не могла, и мне приходилось помогать ей, находить эквивалент испанским выражениям. Например, говоря о своем здоровье, она несколько раз произнесла кальку с испанского «циркуляция крови» — «*circulación de sangre*», совершенно забыв русское слово «кровообращение». Так человек, оторванный от родины, за многие десятилетия пребывания на чужбине может почти совсем утратить даже родной язык. И еще одно наблюдение сделал я после встречи с бывшей соотечественницей: она все же сохранила этот «питерский» язык, на которым говорила знать столицы Российской империи в начале XX в. Эта встреча произвела на меня какое-то странное, чуть тягостное впечатление. Правы были кубинцы, подчеркивая, что она сама себя сделала затворницей, лишившись родины и возможности общаться на родном языке.

Были мы и на плантациях какао-бобов близ г. Баракоа. Они зреют здесь во влажном и жарком тропическом климате, а после сбора урожая зерна сушат и отправляют на шоколадную фабрику, которая расположена здесь же, неподалеку. Нам показали весь процесс переработки зерен и приготовления шоколадных плиток. Кубинский шоколад очень вкусный и пользуется спросом у иностранных туристов. Мои коллеги и члены их семей любили экскурсии на шоколадную фабрику и хранили чуть горьковатые плитки до возвращения на родину.

Наша группа военных специалистов и переводчиков при штабе Восточной армии выезжала на «сафру» — так кубинцы называют сезон уборки (рубки) сахарного тростника. Он длится с октября по май, в так называемый сухой сезон, когда выпадает значительно меньше дождей, чем в летние месяцы. Мы, конечно, никакие не «мачетеро» — профессиональные рубщики тростника. Слово «мачетеро» происходит от мачете — большого длинного ножа, предназначенного для рубки тростника, кустарника, мелких деревьев. После нашей «рубки» кубинцам приходилось зачищать наши огрехи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале февраля 1970 г. наша командировка подошла к концу. Члены языковой группы после годичного пребывания в Республике Куба, значительно пополнив свои знания испанского, возвратились в стены Военного института иностранных языков.

После возвращения из командировки мы продолжили углубленное изучение различных аспектов первого и второго языков: военный перевод, общий перевод, синхронный перевод, грамматика испанского языка, испанская литература, домашнее чтение. Продолжалось изучение специальных предметов, а также тактики, военного искусства, страноведческих дисциплин. Мы знакомились также с изобразительным искусством нашей страны и зарубежных государств. Нас учили выступать перед различными аудиториями — от личного состава воинских частей до студентов и рабочих коллективов. Однажды мне поручили выступить перед коллективом Московского ликероводочного завода «Кристалл» — главного предприятия страны по производству крепких напитков. Нас тренировали не бояться, не стесняться любых коллективов, а это достигается только практическими занятиями.

В моей памяти навечно остались имена и образы профессоров и преподавателей института, за шесть лет сделавших из обыкновенных молодых ребят высокопрофессиональных специалистов со знанием двух иностранных языков и специальной подготовкой. Все это позволило нам стать уважаемыми членами офицерского состава Вооруженных сил СССР, готовыми к выполнению сложных специфических задач, поставленных командованием, как в нашей стране, так и за ее рубежами.

Alexander F.Scheglov (sobresseguro@yandex.ru)
Captain 1 rank in retirement

Soviet military translators in Cuba in 1969

Abstract. The publication contains some extracts from the memories of Alexander Fedorovich Scheglov, captain 1 rank in retirement, at the time of the events described - the listener of the Military Institute of Foreign Languages, on a one-year stay in Cuba in 1969.

Key words: Military Institute of Foreign Languages, Scheglov, Cuba, 1969